

Александра БЕКАСОВА
(*Санкт-Петербург, Россия*)

Герой Задунайский: кончина, погребение и память о нем*

Знаменитый полководец, сановник екатерининского царствования, один из самых богатых вельмож своего времени, граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский скончался от удара в Ташани, в одной из своих украинских усадеб, 8 декабря 1796 г. Умер он «без отставки», как и предсказывали хорошо знавшие его современники, то есть находясь при исполнении служебных обязанностей командующего войсками, расположенных в Западных губерниях империи. Застигнутый врасплох апоплексическим ударом, который сразу отнял у него способность двигаться и говорить, он четверо последних суток провел в «нечувствительной томности», как писали в своих отчетах врачи, пытавшиеся его спасти, а когда «силы воспоминания» его окончательно оставили, ушел из жизни. Тело «знатного мужа», сопровождаемое почетным военным караулом, было перевезено в Киев, где состоялась торжественная церемония погребения. Оно упокоилось в Успенском соборе Киево-Печерской Лавры. Многочисленную траурную процессию составили воинские и штатские чины, духовенство, родственники и люди, составлявшие ближайшее окружение покойного¹. Император Павел I повелел объявить по всей армии трехдневный траур в память о фельдмаршале и соорудить в Петербурге обелиск в его честь.

Спустя два года во Французском альманахе на французском языке появилась первая статья о графе Румянцеве, которую доставил в ре-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке немецкого фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung), проект № AZ 16/SR/07.

¹ Подробности о кончине и погребении графа П.А. Румянцева см.: Донесения врачей о последних днях жизни П.А. Румянцева и описание церемонии его погребения [1, л.1-5; 2, с.198-204; 3]. С сокращениями эти материалы были перепечатаны также в издании: [4, с.168-169, 271-273].

дакцию некий «адъютант армии Ф.А». Автором текста был человек, который несомненно принадлежал в недавнем прошлом к ближайшему окружению фельдмаршала и присутствовал при его кончине. Источником для написания посмертного некролога послужили не только собственные впечатления автора, но и свидетельства других очевидцев. Так, автор очерка дословно передавал слова Румянцева, сказанные им генерал-поручику С.С. Апраксину во время личной беседы незадолго до постигшего фельдмаршала удара. Литературные дарования позволили ему набросать выразительный портрет образцового героя, великого мужа, «соединяющего добродетели Сократа с доблестями Цезаря», который «около полвека пользовался справедливым уважением Европы». В то же время автор осторожно старался затушевать человеческие недостатки и слабости графа Румянцева и защитить его репутацию от клеветнических обвинений недоброжелателей в тщеславии, скупости, излишней расчетливости [5, с.169-172]. Структура нарратива, использованные автором художественные приемы описания и характерные эпитеты будут потом неоднократно воспроизводиться в многочисленных жизнеописаниях графа Румянцева, публиковавшихся в первой трети XIX в.

Как и почему Румянцева был преобразен в общественном мнении из лихого офицера, кутилы и игрока, беззаботно мотавшего отцовские деньги, о проделках которого ходили легенды, а именно таким его знали во второй половине 1740-х гг., в непобедимого героя-полководца, почтительного сына, рачительного хозяина и попечительного начальника и отца? Задача моего исследования проанализировать механизмы формирования в коллективной памяти конца XVIII – первой трети XIX вв. героизированного образа полководца как одного из представителей российского имперского пантеона воинской славы и показать, какие социокультурные факторы этому способствовали. Таким образом, меня интересует техника социального воспоминания и производства значимого знания об историческом прошлом, а также процесс создания различных «мест памяти», связанных с именем графа Румянцева. Материалом для исследования являются воспоминания о нем, оставленные современниками, разнообразие очерки биографического характера, портретные и скульптурные изображения, а также история создания и последующего бытования ряда учреждений мемориального характера, таких, например, как семейный музей.

Коллективная память представляет собой особый социально-культурный артефакт, определяющий процесс создания и поддержания

«реальности прошлого» посредством дискурсивных и репрезентативных практик, а также социальных институтов, таких, например, как семья, покровительство и др. Коллективная память основывается на общеупотребительном наборе текстов и образов, которые люди наделяют историческим значением. Тем самым она унифицирует и структурирует опыт, приобретенный группой людей, живущих в определенный исторический период, проецируя на него созданный набор социально-исторических значений [6, с.226-245]. Причем, как показал в своих исследованиях социолог М. Хальбвакс, индивидуальная память не может существовать вне рамок, которые используют люди, живущие в обществе, для определения и воссоздания своих воспоминаний. По мнению М. Хальбвакса, индивидуальное мышление способно к воспоминаниям в такой степени, в какой оно помещает себя в эти социальные рамки и участвует в создании этой памяти [7; 8].

Явление культуры становится «местом памяти», по мнению историка Пьера Нора, только при определенных условиях, когда эти феномены наделяются определенной символической аурой, или когда они становятся объектами ритуала, или в них осуществляется кристаллизация воспоминания и его передача. Концепция пространства памяти опирается на идею о том, что память по своей природе социальна и является фундаментом для идентичности социальных групп. С этой точки зрения «место памяти», как любое другое символическое пространство, выступает как средство идентификации, способ формирования группового сознания и чувства принадлежности к социальной общности [9].

Процесс создания имперского пантеона ратной славы, который начал формироваться еще при Петре I, получил новые импульсы для развития в период победоносных компаний русско-турецких войн екатерининского царствования. С одной стороны, прославление военных успехов, способствовавших значительному расширению имперских территорий, героев-полководцев и их ратных подвигов, играло значимую роль в символических сценариях власти российских монархов. С другой – ведение войн стимулировало активность дворянского общества, привлекая внимание столичной и провинциальной публики. Выдержки из победоносных реляций печатались в газетах и отдельными брошюрами. Все эти материалы современники собирали, переписывали от руки то, что не могли достать отпечатанным, переплетали в отдельные тома, а потом бережно хранили в своих библиотеках. О военных успехах и неудачах толковали при дворе и в усадьбах. Пожалуй, не было

молодых людей из дворянских семей, которые не мечтали бы о том, чтобы хотя на время «причислиться к марсовым детям». Участие в войне было действенным средством быстро получить награду, повышение и прославиться. Публика создавала своих кумиров, одним из которых, и был Кагульский герой, и с воодушевлением поклонялась им. В «пропитанной парами Задунайства атмосфере» выросли не только сыновья самого Румянцева, но целое поколение людей, для которых собственный военный опыт и его последующее осмысление, стало средством коллективной идентификации.

Напомню, что культ поклонения «знаменитому и заслуженному воину» начал складываться еще при жизни графа Румянцева. Общественным мнением превозносились, прежде всего, его военные дарования и подвиги. Он принадлежал к числу тех российских военачальников, чьи победы снискали ему признание не только у знатоков военного дела, но и большую популярность у современников. Победы над турками при Ларге и Кагуле, одержанные войсками под предводительством графа Румянцева, и заключение выгодного для России Кючук-Кайнарджийского мира сделали его знаменитым. «Быть может в похвалы, расточаемые русскими о фельдмаршале Румянцеве, входит некоторая доля национального самолюбия, но в них заключается много правды...» – отметил А.Ф. Ланжерон [10, с.270].

Повелением императрицы Екатерины II по случаю победы при Кагуле был воздвигнут памятный обелиск Румянцеву в Царском селе. Граф Румянцева и князь Потемкин были единственными персонами, чьи имена были упомянуты в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. Для своих соотечественников они должны были служить примерами ревностного служения Отечеству и монарху и образцами гражданских добродетелей [11, с.31]. Современники говорили и писали о нем как о человеке «первом по своему общественному значению в России». Именно в Румянцеве видел Г.Р. Державин воплощение истинного вельможи.

Военные победы Румянцева и заключение мира прославлялись в многочисленных одах, поэмах, сонетах и стихотворных посланиях, посвящениях, похвальных словах. Среди их авторов были И.А. Владыкин, Я.И. Кантаровский, Ф.Я. Козельский, В.И. Майков, Н.П. Николев, В.П. Петров, А.П. Палладоклис, А.П. Сумароков, П.С. Потемкин и др., которые писали о графе Румянцеве, сравнивая его с такими знаменитыми военачальниками прошлого, как Сципион Африканский, принц Евгений Савойский, виконт Анри Тюрэнн. Его называли российским Геркулесом, Марсом, Перуном, столпом Петрова дома. Он

представал в образе «героя и подвижника», «вождя» и «миротворца», «великого мужа» и «гражданина», «друга и вернейшего раба Монархини своей», «селянина», «домостроителя и отца». Победоносная война, расширение границ империи вызвали к жизни разнообразные аналогии, связывавшие Россию с Древним Римом. Изображение россов как наследников славных традиций великого Рима – излюбленный сюжет восторженных поэтов. В их произведениях императрица Екатерина II являлась в образе воинственной богини-воительницы, вершительницы преобразований, а ее правление представлялось как воплощение возрожденной Римской империи [12, с.153-199]. Так, например, Петров в своих стихах 1775 г. продолжал развивать тему “*translatio imperii*”, которой он касался и ранее, в частности, в переводе “Энеиды”. В стихах, написанных им на прибытие П.А. Румянцева в Москву на торжественное празднование мира, поэт писал: “Что делал в древности победоносный Рим, победоносны мы, то в наши дни творим” [13].

Портретные и монументальные изображения графа Румянцева, созданные в 1770 – 1790-х гг., тоже представляли его воином, полководцем, победителем. Разрабатывая эти героизирующие аллегии, призывающие к почитанию и подражанию, авторы использовали античное облачение, турецкие военные трофеи, награды, пожалованные графу Румянцеву [14, с.310-319].

Первые десятилетия XIX в. в России стали временем активного формирования “исторического мифа, окрашенного в тона романтического национализма”. Этот период характеризовался широким распространением русофильских настроений, резким взлетом интереса читающей публики к отечественной истории и памятникам прошлого, разработкой разнообразных проектов по созданию национального музея – памятника, в котором государство и нация могли бы найти своё отражение и увековечение. Рупорами новых общественных веяний стали такие столичные журналы, как “Русский вестник” С.Н. Глинки и “Отечественные записки” П.П. Свиньина, различные провинциальные издания.

Программные положения этого направления наиболее полно были сформулированы в предисловии к посмертному изданию “Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П.П. Свиньина”, составленном И. Делакруа.

“В благородном стремлении россиян во всех сословиях к узнаванию обширного, необъятного своего отечества и в радушном внимании просвещенных сограждан к каждому новому открытию в

хранилищах Отечественной истории, – просвещенный наблюдатель жизни народов видит верный залог быстрых и утешительных успехов России. Знание различных подробностей, касающихся до родной старины, питает любовь к ней, возбуждает народную гордость, всегда готовую на подвиги для славы отечества и, одушевляя усердием к самоотвержению, ведет государство на верх славы и могущества. Мы жадно ищем познать во всех отношениях государство, к которому принадлежим, т.е. его народный быт, места исторических воспоминаний, даже живописное положение их, одним словом, все то, что воспламеня сердца наши чистейшими чувствами любви и приверженности к святой родине может радовать, возвышать нашу душу” [15, с.І-ІІ].

“Местами исторических воспоминаний” становятся и те, которые были связаны с именем кагульского героя. Прошло совсем немного времени после кончины графа Румянцева и уже в начале XIX в. места его пребывания, ставка командующего или усадьбы, в которых он проживал более или менее продолжительное время, стали привлекать внимание любопытствующих путешественников.

Одним из направлений создания патриотического мифа было дальнейшее формирование воображаемого пантеона выдающихся соотечественников, среди которых военачальникам екатерининского царствования, таким, как князь А.В. Суворов-Рымникский, князь Г.А. Потемкин-Таврический и граф П.А. Румянцева-Задунайский, отводились самые почетные места. В столичных и провинциальных журналах, исторических сборниках переиздавались стихотворения, им посвященные, публиковались биографические материалы, воспоминания, письма, жизнеописания, похвальные слова. В журнале “Вестник Европы”, издаваемом В.А. Жуковским, в 1809 г. был напечатан отрывок из похвального слова Румянцеву-Задунайскому, которое принадлежало, по-видимому, перу А.М. Максимовича, о котором еще пойдет речь ниже. Выбранный издателем фрагмент касался значения побед при Ларге и Кагуле:

“Сия победа, граждане, есть одна из тех, которые решают судьбу государств. Многие победы не оставляют по себе никаких следствий; но Румянцеву назначена была слава одною победою истребить навсегда трепет, которой наносила Турецкая империя соседям своим и положить начало ее разрушению. Еще же славнее для него то, что ему одному Россия обязана сим торжеством, его

Александра БЕКАСОВА. Герой Задунайский: кончина, погребение ...

искусному распоряжению, чудесному порядку боя, предусмотрительности, мужеству и даже личной храбрости” [16, с.15].

В том же номере было также напечатано письмо Румянцева Екатерине II, переданное редактору малороссиянином П.И. Бороздиною. Как свидетельствовал позднее один из секретарей полководца, это письмо, в котором заслуженный воин благодарил императрицу за честь стать во главе войск после смерти Потемкина, было литературной подделкой. Сам Румянцев не имел отношения к написанию этого текста [17, с. 27-29].

Автор похвального слова о Румянцеве Григорий Македонский, учитель Новгород-Северской гимназии, призывал соотечественников помнить “великие, неподражаемые, бессмертные дела Задунайского и памятники дел, украшающие самые блистательнейшие города России”, имея ввиду Петербург, Киев, и свой родной город – Новгород-Северский [18, л.2об.-3].

В сборнике “Русские анекдоты военные и гражданские...” 1822 г. появился небольшой очерк Сергея Глинки о народном языке Румянцева [19, с.73-75]. Глинка видел в Румянцеве полководца, который умел найти путь к сердцу простого русского солдата. Со свойственной ему увлеченностью он восхищался безыскусностью и силой короткой фразы – “Робята, стой!”, обращенной Румянцевым к воинам в решающий момент Кагульского сражения. Позднее Глинка развил тему о Румянцеве и словесности в третьем переиздании “Русской истории”, вышедшем в 1823 г. Он начал повествование с упоминания о бурной юности и пылких страстях Румянцева в молодости, замечая, что в то же время тот

“не упустил ничего, что только могло обогатить душу, ум и сердце... Он любил и военное искусство и словесность. Память его и воображение оживотворены были лучшими местами из русских и иностранных писателей, а сердце его, испытывавшее волнение страстей, но никогда не терявшее благородства чувств, научило его сближаться с сердцами других” [20, с.60].

Для увековечения памяти фельдмаршала много сделали его сыновья, покровительствуя авторам, составителям жизнеописаний своего знаменитого родителя, заказывая скульптурные и живописные изображения, а также создавая учреждения мемориального характера. Автором первого опубликованного жизнеописания Румянцева, напи-

санного в жанре похвального слова, был Семен Созонович, студент Московского университета. Оно увидело свет в 1803 г., то есть спустя шесть лет после смерти полководца. Автор посвятил свой труд среднему сыну фельдмаршала Н.П. Румянцеву, что могло свидетельствовать о том, что начинающий литератор или пользовался его покровительством, или рассчитывал на поддержку графа в будущем. Материалом для составления биографии послужили не только официальные реляции, воспоминания современников, но и документы из фамильного собрания Румянцевых, которые находились в распоряжении графа Николая Петровича. Некоторые фрагменты текста жизнеописания позволяют утверждать, что Созонович имел возможность ознакомиться с рескриптами и письмами императрицы Екатерины II к П.А. Румянцеву и с некоторыми его ответными посланиями [21].

Издание в 1811 г. “Анекдотов, объясняющих дух фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского...” внесло важный вклад в дальнейшее закрепление героико-патриотического образа Румянцева в коллективной памяти [22]. Для составителя этого сборника, включающего помимо анекдотов и специально подобранную переписку полководца из собрания фамильных бумаг, Румянцев был значим, прежде всего, как один из великих соотечественников, “которые в высокой степени блистают свойствами, искони отличавшими народ сей (русский – *А.Б.*)”. В предуведомлении к книге автор подчеркивал, что “все качества, украшающие сего мужа, делают его истинным образцом совершенного героя”. Послушный подданный, мудрый полководец, благочестивый и неустрашимый герой, добрый супруг, нежный отец, неподражаемый ревнитель блага вверенных ему людей – вот представленные на страницах издания ипостаси Румянцева. Спустя еще четырнадцать лет они будут отлиты в емкую и лаконичную формулу, созданную в воспоминаниях Н. Лесницкого, служившего некогда секретарем П.А. Румянцева: “словом – был Христианин, Вельможа и простой дворянин, Полководец и гражданин, победитель и покровитель; законовонец и земледелец, воин и Философ, начальник и отец, – отец и друг!” [23, с.58]. Кстати сказать, рукопись воспоминаний Лесницкого, написанных также в жанре похвального слова, сохранилась в бумагах графа Н.П. Румянцева, что позволяет предположить, что и этот текст создавался не без участия родственников фельдмаршала. Следует также упомянуть о том, что сыновья П.А. Румянцева имели, вероятно, отношение и к целой серии публикаций, основанных на документальных материалах, в журнале “Отечественные записки” в 20-е гг. XIX в.

Кроме того, желая увековечить как заслуги своих знаменитых предков, так и свои собственные, Н.П. Румянцев около 1814 г. заказал скульптору А. Канове статую “Мир”, в память трех мирных договоров, заключенных его дедом в 1743 г., отцом – в 1774 г. и им самим – в 1809 г. Чтобы еще раз напомнить о заслугах отца перед Россией и показать особую милость, которой он пользовался со стороны Екатерины II, Н.П. Румянцев заказал художнику В.Л. Боровиковскому сделать повторение с портрета императрицы, но так, чтобы она была изображена уже не на фоне Чесменской колонны, а Кагульского обелиска. Около 1820 г. он заказал с этого портрета Н.И. Уткину гравюру, благодаря которой портрет стал широко известен [24, с.105-106].

Публикации, живописные полотна, скульптурные композиции, гравюры, связанные с именем П.А. Румянцева, были лишь частью мероприятий по увековечиванию памяти полководца. В 1805 г. Н.П. Румянцев учредил институт военных пенсионеров, которые должны были проживать в Киеве и находиться при гробе П.А. Румянцева в Киево-Печерской лавре во время заупокойных панихид по фельдмаршалу. Обосновывая необходимость подобного учреждения, Н.П. Румянцев, в частности, писал в прошении на высочайшее имя:

“Каждый сын вправе воздвигать пышные монументы отцу своему. Меня убеждает сердце, что, когда, наравне с другими, коснусь я примеров, не воздам я Задунайскому ни по заслугам, ни по собственной обязанности. Следуя такому побуждению, я принял на себя пойтить другую стезю и в новом виде в честь отца моего памятник поставить. ... Вложенный огонь жизни в память сию польется в кровь молодости, изготовленной к защите Отечества...” [25, стб.900-903].

Немного позднее граф Николай Петрович передал свою дачу, расположенную по царскосельской дороге, под инвалидный дом, причем учреждение получило наименование: “Заведение в память графа Румянцева-Задунайского от иждивения сына его Государственного канцлера сооруженного”. Это заведение не пользовалось популярностью. Никто не хотел быть туда помещен, и поэтому оно долго пустовало. В 1833 г. брат канцлера сделал новое определение этому учреждению и капиталу, оставленному на его функционирование, получив высочайшее разрешение выдавать ежегодно пенсии 200 отставным унтер-офицерам и рядовым, которые должны были именоваться «пенсионерами графа Румянцева-Задунайского». Кроме того, его брат, граф

Сергей Петрович пожертвовал капитал в 50 тыс. рублей, проценты с которого шли на пенсии вдовам и сиротам, могущим остаться после гибели офицеров и нижних чинов полка имени фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского, а затем и еще один, размером в 10 тыс. рублей, из процентов с которого должны были выдаваться пенсии увечным офицерам, получавшим наименование «Кайнарджийских пенсионеров» [26, с.588].

Среди других мемориальных учреждений особое место занимает семейный музей Румянцевых, организованный во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XIX в. в Петербурге². На примере истории создания Музея хорошо видно, что формирование национального самосознания оказывалось теснейшим образом связанным с родовыми и семейными традициями российского дворянства, в частности, с традицией поминовения своих предков.

Идея создания мемориального семейного музея, который должен быть открытым для публики, принадлежала Н.П. Румянцеву, отставному канцлеру, собирателю древностей, владельцу обширной библиотеки. Не успев сам осуществить задуманное, канцлер завещал дело организации музея своему младшему брату, который много сделал для того, чтобы в конце ноября 1831 г. Румянцевский музей открылся для посетителей в особняке бывшего владельца на Английской набережной. Библиотека и коллекции переместились с жилого третьего этажа, где раньше располагался кабинет, в парадные апартаменты второго этажа. Три центральные залы парадной анфилады заняли “семейные мемории” Румянцевых. К.И. Кестнер, который служил в Музее в 1840–1850-е гг., так описал эти комнаты, “предназначенные для воспоминаний семейных”.

“В крайней зале, налево, он [С.П. Румянцева. – А.Б.] поместил портреты своего деда и брата, а между ними статуя своего отца, Задунайского ...; над нею девиз Румянцевых: Non solum armis ... Другая стена украшена портретами бабки и матери основателя; третья – рисунками из жизни Задунайского. В средней зале он поставил прекрасное мраморное изваяние Кановы – богиню Мира, в память трех мирных договоров, заключённых Румянцевыми: бронзовый бюст брата и мраморный отца, и поместил картину Торелли “Торжество Императрицы Екатерины” ... В крайней зале направо поставили уже впоследствии ящик с Высочайшими

---

² Подробнее об этом см.: [27, с. 83-99].

рескриптами на имя графов Румянцевых – памятник постоянного Монаршего благоволения к трем поколениям государственных мужей” [28, с.43].

Подбор и расположение семейных реликвий для музейной экспозиции свидетельствовал о том, что сыновья фельдмаршала были заинтересованы, чтобы Румянцева-Задунайского потомки помнили не только как полководца, но и как дипломата и мужа государственного.

Процесс мемориализации затронул как городское, так и усадебное пространство. Имение Троицкое под Москвой было куплено для П.А. Румянцева Екатериной II в 1775 г. По желанию императрицы, которая посетила нового хозяина имения, эта подмосковная усадьба стала называться Кайнарджи. Позднее в подмосковной появились и другие мемориальные названия – одна из ферм стала именоваться Кагул, а три пустоши вокруг имения получили названия Румянцевская, Кагульская и Задунайская. В первой трети XIX в. усилиями сыновей полководца имение Троицкое-Кайнарджи превратилось в семейный мемориал.

Нельзя не сказать о целом пласте других текстов, источником которых были в основном устные рассказы о былых временах. Традиция фиксировать устные предания об известных исторических деятелях, которые передавались из уст в уста от одного поколения к другому, уже существовала в XVIII ст. Однако окончательно она сложилась к началу XIX в. и привела к появлению особого литературного жанра – анекдота. Первые русские сборники анекдотов, основанные на материалах отечественной истории, появились в 80–90-е годы XVIII в., но именно начало XIX в. стало настоящим расцветом этого литературного жанра³.

В подобных повествованиях Румянцев предстал не столько героем, сколько обычным живым человеком, со своими достоинствами и недостатками. В великосветских гостиных Петербурга и Москвы, а также таких малороссийских центрах, как Глухов и Киев, про него рассказывали немало занимательных историй. “Проживая в Киеве, я имел случай в долгие зимние вечера слышать рассказы о былом; чаще всего предметом разговора был век Екатерины II и ее современники Румянцев и Суворов, о которых, кроме устных преданий, многие анекдоты и воспоминания хранятся в журналах и других ненапечатанных дневниках их сослуживцев и современников,” – писал пожелавший остаться неизвестным автор, сообщая читателям “Русского инвалида” сведения о графе П.А. Румянцеве, которые ему довелось услышать или прочитать [30, с.595].

³ О жанре исторического анекдота подробнее см.: [29].

Рассказывали о том, как жил он в своих великолепных готических замках в Вишенках и Ташани; как мыши съели у него 20 тысяч ассигнаций, хранившихся в подвалах; как любил он поговорить и часто по окончании обеда сидел по два часа за столом к большому затруднению собеседников; про то, как граф всех в разговоре называл “батюшка”, но не терпел такого рода фамильярности по отношению к себе; как портной Заика просил чина и как фельдмаршал потребовал, чтобы он сшил ему, не снимая мерки, мундир. Эти рассказы были записаны А.М. Марковичем, который всю жизнь прожил около города Глухова и в молодости был знаком со многими современниками знаменитого правителя Малороссии [31, с.80]. Знакомство с этим обширным и весьма противоречивым материалом в конце концов поставило Марковича в сложное положение нравственного выбора. Об этом свидетельствует история с рукописью “Похвального слова Румянцеву-Задунайскому”, к переработке текста которого автор возвращался на протяжении десяти лет, с 1811 по 1821 гг.

Александр Михайлович Маркович родился и вырос на Украине, в селе Сваркове, в семи верстах от Глухова. С ранней юности он увлекался историей своего края и занимался литературными работами, многие из которых так и остались неопубликованными. “Похвальное слово” было одним из самых ранних произведений Марковича. Текст последнего варианта рукописи “Слова” 1820 г. заканчивался патетической тирадой:

«Уже 20 лет, как смерть похитила Румянцева, но его подвиги кажутся нам, как будто вчера были... Ряд столетий исчезнет во мраке вечности, но каждый истинный россиянин с благоговением приблизится к гробу его и, наклонясь своим челом, скажет: “Не только славный лишь войной, Здесь скрыт великий муж драгой”» [31, с.56].

Спустя год автор сделал на рукописи своего сочинения следующую пометку:

“Рассмотрев беспристрастно дела и свойства Румянцева, я удостоверился, что Румянцев был искусный и великий полководец, но не великий человек, что он был завистлив, горд, высокомерен, любострастен, льстец, скуп и корыстолюбив, – следовательно, пленник страстей самых низких, следовательно, малый душою. Один же великий человек заслуживает похвального слова. Не нужно мне доказывать сих обвинений. Потому что я не говорю перед публикою. Для меня же одного довольно сердечного удо-

стоверения. Надпись же сия сделана для того, чтобы тот, кто по случаю, по смерти моей, найдет сию рукопись, не думал, что я рабски хвалил человека, не заслужившего того..." [32, с.386-387].

Следует также отметить, что и сам граф Румянцев и его ближайшие родственники немало потрудились над тем, чтобы о них помнили так, как им бы того хотелось. Они не только совершали славные деяния, укрепляя мощь империи, но и умели увлекательно рассказывать о себе, оставив богатейший материал для устных преданий и историй. Одной из популярных легенд, сформировавшихся еще в XVIII ст., а затем получивших широкое распространение в российском обществе XIX в., переживших первые удары исторической критики на рубеже XIX и XX вв. и потом благополучно доживших до сегодняшнего дня, является предание о том, что прославленный екатерининский полководец – бастард. Поговаривали, что в действительности отцом Петра Александровича был не генерал-аншеф граф Александр Иванович Румянцев, начинавший свою карьеру с царского денщика, а сам Петр Великий.

Анализ мемуаров, а также детальное текстологическое изучение сборников исторических анекдотов, подготовленных И.И. Голиковым и А.Б. Лобановым-Ростовским, позволяет утверждать, что вклад графини Марии Андреевны Румянцевой в формирование легенды о царственном происхождении ее сына был весьма существенным. Легендарную историю, связанную с претензиями Румянцевых на родство с правящим домом, ни мать, ни сын не только не опровергали, но увлекательно рассказывали об этом окружающим. Нет никакого сомнения в том, что им было выгодно существование и распространение легенды, которую они использовали в своих интересах. Претензии Румянцевых на родство с правящим домом, вне зависимости от того, имели они под собой реальную основу или нет, несомненно, давали им определенное преимущество и отличие.

Очерк о Румянцеве, написанный Д.Н. Бантыш-Каменским, историком и талантливым литератором, придал завершенность созданному предшественниками образу знаменитого полководца, а в дальнейшем существенно повлиял на то, каким его представляли себе последующие поколения и как о нем писали историки и писатели.

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский был сыном известного археографа, долгие годы проработавшего в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Благодаря отцу он получил хорошее для

своего времени образование, сначала домашнее, а потом в Московском университете. Начал он службу в 1800 г. в Московском архиве Коллегии иностранных дел при отце. Хотя Дмитрий Николаевич родился и вырос в Москве, он с юношеских лет занимался сбором материалов по истории Малороссии. Его «История Малороссии» была опубликована в 1822 г. [33]. Несмотря на то, что освещение деятельности Румянцева на посту генерал-губернатора Малороссии и президента Малороссийской коллегии, а затем наместника ряда западных губерний, осталось за рамками его исследования, Бантыш-Каменский живо интересовался личностью графа, чему немало способствовало его знакомство и общение с любителями малороссийской истории и древностей, среди которых был, например, А. Чепя, прослуживший почти два десятилетия в канцелярии фельдмаршала. В начале 1820-х гг. Бантыш-Каменский жил на Украине, куда был приглашен князем Н.Г. Репниным, военным губернатором края, на должность правителя канцелярии.

Очерк о графе Румянцеве-Задунайском, написанный Бантыш-Каменским для «Словаря достопамятных людей русской земли», был опубликован в 1836 г., а потом переиздан им с небольшими дополнениями в сборнике биографий российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов, увидевшем свет в 1840 г. [36, с.352-373; 37, с.25-49]. Несомненный литературный талант помог Бантыш-Каменскому написать биографию, в которой уже сложившийся к тому времени образ Румянцева, героя, подвижника и патриота, созданный традицией панегирической литературы, с одной стороны, и человека талантливого, но при этом не лишеного слабостей и недостатков, каким он порой представлялся в устных рассказах, с другой, не противопоставлялись, но с успехом работали на авторский замысел.

Для Бантыш-Каменского Румянцев – пример человека, который сам себя сотворил, выстроил свою судьбу, проложив себе дорогу к славе. Автору важно было подчеркнуть, что ценой доблестных подвигов Румянцев обрел право на бессмертие и благодарную признательность потомков. «Если б герой Кагульский имел какие-либо недостатки, то они должны исчезнуть во множестве его отличных качеств и доблестных подвигов, которые не умрут в потомстве.» [37, с.47-48] Бантыш-Каменский не посчитал нужным останавливаться на недостатках и слабостях Румянцева, как он делал, например, в биографических очерках, посвященных А.Д. Меншикову или Б.Х. Миниху, но лишь вскользь намекал об их существовании.

Таким образом, заинтересованность близких родственников фельдмаршала в воспроизведении и тиражировании монументального образа полководца и государственного деятеля графа Румянцева-Задунайского, имеющиеся в их распоряжении средства влиять на процесс его формирования, а также популярность и широкое распространение похвального слова как литературного жанра, которые совпали с процессом становления национального сознания в России и на Украине, значительно повлияли на процесс формирования образа Румянцева-героя, представителя имперского пантеона ратной доблести и славы. В создании этого образа активно участвовали бывшие подчиненные фельдмаршала, в частности даровитые сотрудники его канцелярии, которые были обязаны своему начальнику и патрону возвышением и сложившейся удачной карьерой. Владея информацией другим недоступной, они коллекционировали интересные документы, писали воспоминания и просто любили рассказывать о былом. Порой они становились авторами литературных подделок и способствовали распространению легенд и мифов. Среди них были также и литераторы, как начинающие, так и уже снискавшие определенную известность, которые с большим или меньшим успехом обрабатывали уже известные материалы и предлагали свои интерпретации в рамках распространенных в то время стереотипных представлений. Они искали признания и материального поощрения.

Для младших современников полководца, как и для поколения его ближайших потомков, унифицированный образ героя Задунайского стал значимым символом мощи империи и силы мифического «национального духа», а обращение к этому образу позволяло подданным почувствовать сопричастность воображаемой имперской общности через свое индивидуальное воспоминание о победоносном и героическом прошлом.

Источники и литература

1. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве – Ф.736 (Канцелярия Киевского, Черниговского, Новгород-Северского генерал-губернатора). – Оп.1 (1781–1796). – Д.1102.
2. Исторические документы о кончине графа П.А. Румянцева-Задунайского // Русский вестник. – 1842. – №5-6.
3. Донесения о болезни и смерти генерал-фельдмаршала, малороссийского губернатора, графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. Сообщил П.И. Иванов // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1859. – Кн.3.

4. Фельдмаршал Румянцев. Документы, письма, воспоминания. Сост. А.П. Капитонов. – М., 2001.
5. Фельдмаршал граф Румянцев // Русский архив. – 1879. – Кн.3. – Вып.10.
6. *Розенберг У.Г.* Является ли социальная память «полезной категорией исторического анализа»? // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века). Международный коллоквиум. Научные доклады. Санкт-Петербург 25-28 июня 2007 г. – СПб., 2007.
7. *Halbwachs M.* The Collective Memory. Introd. By Mary Douglas. – N.Y, 1950.
8. *Halbwachs M.* On collective memory. Ed., trans., and with introd. by Lewis A. Coser. – Chicago and London, 1992.
9. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. Де Пюимеж, М. Винок. – СПб., 1999.
10. Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. – 1895. – №3.
11. Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородному российскому дворянству. 24 апреля 1785 г. // Законодательство Екатерины II. – М., 2001. – Т.2.
12. *Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. – М., 2002. – Т.1.
13. *Петров В.П.* Ода его сиятельству графу Петру Александровичу Румянцову Задунайскому. – М., 1775.
14. *Карпова Е.В.* Памятник П.А. Румянцеву-Задунайскому (материалы к изучению творчества Ж.-Д. Рашетта) // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1984. – Л., 1986.
15. Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П.П. Свиньина. – Митава, 1840.
16. Отрывки из исторического похвального слова графу Румянцеву-Задунайскому. Победы при Ларге и Кагуле // Вестник Европы. – 1809. – Ч.44. – №5.
17. Письмо графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского к Екатерине II // Вестник Европы. – 1809. – Ч.44. – №5.
18. Григорий Македонский, учитель Новгород-Северской гимназии. Похвальное слово графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. 1811 // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф.255. – К.5. – Д.23.
19. Русские анекдоты военные и гражданские и гражданские или повествование о народных добродетелях россиян древних и новых времен, изданных С. Глинкой. – М., 1822. – Ч.1.

Александра БЕКАСОВА. Герой Задунайский: кончина, погребение ...

20. Русская история, сочиненная С. Глинкой. Изд. 3-е и вновь доп. – М., 1823.

21. *Созонович С.* Жизнь графа Петра Александровича Румянцова-Задунайского. – М., 1803.

22. Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского с присовокуплением краткого описания некоторых деяний сего великого мужа и переписки его с разными особами. – СПб., 1811.

23. Генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцов-Задунайский, пред последнюю Турецкую войною. Начертание благородного очевидца Н. Лесницкого, бывшего его питомца и секретаря // Отечественные Записки. – 1825. – Ч.24. – № 6.

24. *Алексеева Т.В.* Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX вв. – М., 1975.

25. Высочайше утвержденное прошение действ. тайн. сов. графа Румянцева о постановлении в честь отца его Задунайского памятника в новом виде // ПСЗ. – СПб., 1830. – Т.28.

26. *Майков П.М.* Румянцов Сергей Петрович // Русский биографический словарь. – Пг., 1918. – Т. Романова-Рясовский.

27. *Бекасова А.В.* «Храм общественных муз». Петербургский период в истории Румянцевского музея // Философский век. Альманах. Вып. 6. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение / Отв. ред. М.Ф. Хартанович, М.И. Микешин. – СПб., 1998.

28. *Кестнер К.И.* Материалы для исторического описания Румянцевского музеума. – М., 1882.

29. *Никанорова Е.Н.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. – Новосибирск, 2001.

30. Некоторые сведения о графе Румянцеве Задунайском, переданные его современниками // Русский инвалид. – 1854. – №127.

31. *Лазаревский А.* Александр Михайлович Маркович (1790-1865) // Он же. Очерки, заметки и документы по истории Малороссии. – Киев, 1898. – Вып.4.

32. Материалы для биографии графа П.А. Румянцова-Задунайского // Киевская старина. – 1895. – Т.48.

33. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. – М., 1822.

34. *Можаева Г.В.* Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич // Историки России. Биографии / Сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев. – М., 2001.

35. *Федоров Б.М.* Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский. Биографический очерк. – СПб., 1850.

36. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцов-Задунайский // Он же. Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории. – М., 1836. – Ч.4.

37. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцов-Задунайский // Он же. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Репр. воспр. изд. 1840 г. – М., 1991. – Ч.2.

Александра Бекасова (Санкт-Петербург, Россия) Герой Задунайский: кончина, погребение и память о нем

Статья посвящена рассмотрению процесса формирования героизированного образа полководца графа П.А. Румянцева-Задунайского в коллективной памяти конца XVIII – первой трети XIX вв. как одного из представителей российского имперского пантеона воинской славы. В статье анализируется техника социального воспоминания и производства значимого знания об историческом прошлом, а также процесс создания различных «мест памяти», связанных с именем графа Румянцева. Материалом для исследования послужили воспоминания о нем, оставленные современниками, разнообразные очерки биографического характера, портретные и скульптурные изображения, а также история создания и последующего бытования ряда учреждений мемориального характера, таких, например, как семейный музей.

Ключевые слова: граф П.А. Румянцев-Задунайский, коллективная память, “места памяти”, мемуары

Александра Бекасова (Санкт-Петербург, Россия) Герой Задунайский: кончина, похоронения та пам'ять про нього

Стаття присвячена розгляду процесу формування героїзованого образу полководця графа П.О. Рум'янцева-Задунайського в колективній пам'яті кінця XVIII – першої третини XIX ст. як одного із представників російського імперського пантеону військової слави. В статті аналізується техніка соціального спогаду і виробництва значущого знання про історичне минуле, а також процес створення різноманітних «місць пам'яті», пов'язаних з ім'ям графа Рум'янцева. Матеріалом для дослідження слугували спогади про нього, залишені сучасниками, різноманітні нариси біографічного характеру, портретні та скульптурні зображення, а також історія створення

Александра БЕКАСОВА. Герой Задунайский: кончина, погребение ...

та наступного побутування низки установ меморіального характеру, таких, наприклад, як сімейний музей.

Ключові слова: граф П.О. Рум'янцеv-Задунайський, колективна пам'ять, "міся пам'яті", мемуари

Alexandra Bekasova (St. Petersburg, Russia) **The Making of Legendary Hero Petr Rumyantsev-Zadunaysky's Image: His Death, Funeral Ceremony, and the Memorials of Him**

In the constellation of power during the reign of Catherine II count Petr Rumyantsev was not an ordinary figure. He was a talented army commander and became known after the successful siege of the Prussian fortress Kohlberg in the end of the 1750 s. It was his glorious victories over the Turks during the war of 1768–1774 that strengthened the Empress' position on the Russian throne. Elevated to the rank of Marshal and rewarded with numerous estates and expensive gifts, he became one of the wealthiest and most decorated grandees of his time. Although he came to St.-Petersburg very rarely, he enjoyed wide popularity and influence at the imperial court. Rumiantsev was one of the great proconsuls of Catherine's II rein whose duty was to incorporate Western frontier into the Russian Empire. His more than 20 year long tenure as a governor-general of the Ukraine offers one of the best examples of the governor general as a "broker" between St.-Petersburg and a peripheral region.

Key words: Petr Rumyantsev's, collective memory, "places of memory", memoirs